

Зинара МУХИНА,
кандидат исторических наук

«А ОДЕЖДУ-ТО ВСЯКИЙ УВИДИТ...»

Мода в жизни русской крестьянки

Характерной чертой крестьянской жизни было господство традиций, передававшихся из поколения в поколение. Все стороны жизни были ограничены определёнными рамками. В полной мере это относилось и к внешнему виду крестьянок. В одежде, укладке волос, украшениях отражался их статус, предметы обихода являлись своего рода знаками принадлежности их обладательниц к определённой половозрастной группе, причём покрой одежды, детали украшений и головных уборов не были едиными на всей территории России. Обширность страны, различие климатических, географических, исторических условий, местные традиции обуславливали вариативность женского костюма.

Крестьянин более всего гордился богатством и нарядной одеждой, воспринимавшейся как его атрибут. В публичные места он шёл в самой лучшей одежде. Если близко был дом, он мог переодеваться по несколько раз, демонстрируя свой достаток. Муж старался одеть жену по возможности лучше, зачастую отказывая себе в чём-то¹. «То ли дело, как есть в чём показать себя народу! Деньги-то в кармане, их не увидишь, в науку, в ученье тоже не вырядишься, а одежду-то всякий увидит и всякий полюбуется»².

Одежда разделялась на будничную без украшений, которую называли «носная», и праздничную³. Основой одежды девушки была рубаха, низ которой был белый холщовый, а верх — пришивной, часто из красного или розового ситца. На рубаху надевался сарафан, который в ряде мест, например в Курской губернии, называли «шубкой». Название связано с тем, что когда-то в старину носили красные шубы из штофной ткани на лисьем меху, потом из этой ткани стали шить сарафаны, которые также назывались «шубками»⁴. Верхняя часть сарафана, от ворота до талии, шилась из ситца, а нижняя — часто из ткани домашнего изготовления — «пестреди»⁵. Покрой рубахи сарафана на большей части территории Европейской России в XVIII — середине XIX века оставался почти без изменений. Юбка (низ сарафана) в соответствии с веяниями моды могла шиться покороче или подлиннее, поуже или пошире, гладкой или с различными складками, оборками, бантиками.

Непременной принадлежностью мужской и женской одежды, наряду с крестом,

был пояс. Он выполнял функцию оберега, магического круга, подчёркивал границу, порог, отделявший от воздействия злых сил. Считалось, что ношение пояса способствует благополучию и удаче. Говорили: «Ходит как татарин, без креста, без пояса». Для подпоясывания поверх шубы употребляли пояса больших размеров — кушаки, они обычно уже были привозными, а не домашнего изготовления. Были свои правила для подпоясывания таким кушаком, кто их нарушал, становился объектом насмешек: «Не умел дурак кафтана подвязать: назади узлы завязывал, наперёд концы закидывал»⁶.

Летом ходили босиком, голову покрывали платком. У замужних женщин под платком был ещё головной убор — повойник, сорока, сборник. Выйти девушке или женщине с непокрытой головой было верхом неприличия, считалось, что в таком случае следует ожидать всякого рода неудач и вреда хозяйству, людям, урожаю. Даже девочке нельзя было без платка, а то мальчишки засмеют⁷. Срывание платка считалось тяжким оскорблением, за которое могли завести дело в волостном суде. Виновных в срывании платков с женщин приговаривали к аресту и денежному штрафу⁸. Молодые женщины наряжались так же, как и девушки, за исключением головного убора. Девушки выпускали косу, женщины заплетали две косы и убрали их под платок⁹.

В зимнее время будничная одежда девушек и женщин различалась мало. Поверх зипуна или безрукавки надевали овчинный полушубок, а в сильные холода поверх него — армяк или нагольный, то есть сшитый из дублёных овчин, тулуп. На ногах были валенки¹⁰.

Есть яркие описания того, как крестьяне, разряженные, словно в большой праздник, отправлялись на сенокос. Вот одно из них из Калужской губернии: «Они в ситцевых рубахах всех цветов и самой дикой фантазии; молодёжь в пиджаках, сверх того, или в жилетах; старики иногда в домодельном белье. Женщины представляют из своих сарафанов с оборками казачков (кофточка в талию) такой цветник, что в глазах зарябит. А платки! Но о платках лучше умолчать: их разнообразию и яркости нет числа. И в

Праздничная женская одежда. Курская губерния, Старооскольский уезд, село Бор-Анпиловка. Конец XIX в.

дополнение «фартуки», т. е. передники. Теперь здесь встречаются и матроски, так что встретитесь с хорошенькой крестьянкой и вполне можете подумать, что это городская барышня или, чего доброго, помещица. Подростки и дети тоже стараются принарядиться во всё лучшее»¹¹.

Праздничная одежда обычно разделялась на два разряда: одну надевали только на Пасху, двенадцатые и престольные праздники, в другую облачались в воскресные и обычные праздничные дни, когда шли в гости, в церковь или собирались водить хоровод. Девушки поверх будничной надевали праздничную рубашу из розовой или красной шерстяной ткани. Вообще самыми любимыми были яркие цвета — красный, синий, зелёный, белый с различными оттенками. Сарафан тоже шили из шерстяной ткани малинового или синего цвета, внизу были оборки в один или два ряда. Иногда сарафан был чёрного цвета с позументами (мишурная лента). Сверху надевался белый фартук, отделанный кружевами или оборками. При этом во всём костюме должна была быть определённая цветовая гармония. На ноги девушки надевали коты — чёрного цвета туфли на высокой подошве, закруглённые спереди, с широкими невысокими каблучками¹².

С веяниями модернизации в деревню стало проникать относительно новое для неё явление — мода, связанная с подчёркиванием индивидуальности, предполагающая определённую степень свободы. Фабричные ткани были дешевле и значительно разнообразнее тканей домашнего производства, что привело к значительному сокращению домашнего производства одежды, даже там, где по-прежнему продолжали сеять лён¹³.

Большие изменения произошли и в женской крестьянской одежде, особенно это относится к Центральному промышленному району и к районам, примыкавшим к Петербургу: «Сарафан вышел почти повсеместно из употребления. Его носят только кое-где доживающие свой век старухи» (Ярославская губ.)¹⁴; «Погоня за городской модой делает то, что костюм московской крестьянки напоминает костюм московской кухарки; городское платье вытеснило прежний сарафан» (Московская губ.)¹⁵. Даже будничной одеждой девушек и молодых женщин стали платья. Простые наряды ранее обычно шили сами женщины. Теперь же большую часть женской одежды шили портнихи, в том числе и городские, по картинкам из журналов. В редком селе не было своей портнихи с ручной или ножной швейной машинкой. Праздничная одежда стала очень разнообразной и нарядной. Шили ярких цветов ситцевые и шерстяные платья,

у богатых появились шёлковые и бархатные платья. Заветной мечтой каждой крестьянской девушки было платье из шёлка. Среди получивших распространение покроев были: гладкий лиф — причём нижняя часть лифа вправлялась в юбку и соединялась с ним пришитым кушаком, такие платья появились в самом конце XIX века и считались самым модным костюмом; «казак» — полы лифа лежали поверх верхней части юбки, в соответствии с изменениями моды шились то длиннее, то короче; «полонез» — тот же казак, но длинный, по крайней мере до колен, передняя его часть от ворота до самого подола застёгивалась пуговицами; «матроска» — кофта, сшитая наподобие матросской блузы, — вошла в моду в конце XIX века; блуза — кофта, сшитая наподобие мужской рубашки, застёгивалась пуговицами до подола, затем подпоясывалась кушаком или ремнём. Поверх платья надевали драповые или триковые пальто, также сшитые по моде. В зимнее время верхняя праздничная одежда включала широкополую шубу, часто с куньим воротником, а также серую или чёрную шаль¹⁶.

Там, где сохранились сарафаны, как, например, в Вельском уезде Вологодской губернии, их шили из ситца вместе с «жулеткой» (с жилетом), поверх надевался корсет, плотно стягивающий грудь и талию¹⁷.

Волосы на голове старались причесать гладко. С этой целью молодые девушки намазывали волосы размоченным сахаром, отчего они слипались и так плотно прилегли к голове, что их с трудом можно было расчесать. Для поддержки завитых волос использовали также шпильки и гребёнки¹⁸. В помещении на голове был платок с рисунками. Платки были из кашемира, атласа или шёлка, только на самых бедных можно было увидеть ситцевый платок. Разновидностью платков были полушалки — те же шерстяные, кашемировые или шёлковые платки с кисточками по краям. Отправляясь на игрища, девушки покрывали голову половинкой — розовым или алым шёлковым платком, разрезанным по диагонали. Как роскошь на голове девушек и женщин из зажиточных семей была наколка — шёлковый колпачок, закрывавший волосы, платок тогда был не нужен. Стали носить ещё один головной убор — шляпки, соломенные или поярковые, которые можно было видеть на головах крестьянских девушек и зимой. Чем пестрее была шляпка, чем больше было цветов и алых лент, тем элегантнее она считалась. Шляпку обычно покупали один раз, её получали в наследство, приобретали у аристократок и переделывали согласно крестьянским вкусам¹⁹.

На ногах у девушек и у женщин можно было видеть ботинки из прочной ткани или

лёгкой кожи, у богатых — даже из шагрени, опойки, башмаки со шнурками, лёгкие полусапожки. В грязь и зимой поверх надевали калоши.

Важное место в обиходе девушек и молодых женщин занимала косметика. Белила и румяна, сурьма для бровей были известны ещё из древности. В качестве их использовали свёклу, свежие ягоды, сухой корень ландыша, жир, уголь. В пореформенное время применяемая косметика была уже намного разнообразнее, её составляли не только различные подручные средства (растёртые стеариновые свечи, мука, цветные конфетные бумажки или лоскутки линючей материи, травы, вороньи ягоды, капен в качестве румян), но и изделия профессиональных парфюмеров. Также в обиход входили духи, пудра, помада, покупные румяна и белила. Румяна и белила были неременной принадлежностью девушек и молодых женщин, даже маленькие девочки при всяком торжественном случае натирали себе щёки «всякой дрянью». Душились сверх всякой меры. Бывало, в церкви от такого запаха духов теряли сознание. Отметим, что о чистоте белья совершенно не заботились. Всё внимание было направлено на верхнее платье, особенно показное, праздничное, за которым тщательно следили²⁰.

На гулянии на руках девушек были перчатки, зонтик был неприемлемым атрибутом. Можно было видеть, как в грязную погоду или летом во время жары девушки шли босиком, чтобы не запылить обувь, с загнутыми подолами сарафанов, неся на голове узлы с драгоценным грузом — с ботинками и нарядными платьями. Вблизи места, куда шли, они останавливались, переодевались и обувались²¹. Странное впечатление, должно быть, производили девушки, выходявшие в ясную солнечную погоду в калошах и с большими дождевыми зонтиками²².

К двадцати годам девушке приобретался полный праздничный наряд: ситцевое, шерстяное и шёлковое платья, летняя кофта в талию, длинное пальто-дипломат ниже колен, кожаные башмаки, на которые надевали калоши, шерстяной или шёлковый платок, шерстяная зимняя шаль, летняя и зимняя шляпки с перьями, зимнее на вате пальто-«шубка» и так далее. От невесты среднего достатка требовалось несколько ситцевых платьев, два шерстяных, шерстяная шаль и полушалок, дипломат на вате, зимний дипломат на барашковом меху, пальто, два полушубка, две пары валенок, две пары кожаных сапог, резиновые калоши, зонтик, ситцевые головные платки и передники. С невесты побогаче выговаривали ещё шёлковые платья, шубку

на лисьем меху, шёлковые косынки и головные платки. Некоторым невестам родители также покупали часы с цепочкой и недорогой браслет. Праздничный наряд включал ожерелье из янтаря или граната, добавим сюда золотые или серебряные часы, браслеты, брошки. На пальце каждой руки можно было видеть по три кольца — на указательном, большом и мизинце. Гладкие серебряные кольца не считались принадлежностью замужней женщины или невесты, а носились даже девочками 14–15 лет. Девушка, не имевшая шляпки, считалась бедной. На игры и хороводы надевали шёлковые или хотя бы шерстяные платья — ни в коем случае не ситцевые. Те, у кого не было такого платья, ни за что не решались встать в круг²³.

Изменения в женской одежде и во внешнем виде крестьянских женщин могут выглядеть показателями возросшего благосостояния. В пореформенное время экономическое состояние крестьянства ухудшилось. Малоземелье, чересполосица, увеличение необрабатываемых помещичьих земель значительно сократили продукцию сельского хозяйства, полуголодное существование было не такой уж редкостью в русской деревне. И вместе с тем — такое новое для деревни явление, как мода. Над модой можно смеяться, её можно ненавидеть, но ей во все времена неукоснительно повиновались. Корреспонденты Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева сообщали, что в самых глухих местах нередко можно было встретить женщин и девушек в модных шерстяных или шёлковых платьях, в перчатках и шляпках. Конечно, носили и наряды, долго лежавшие в сундуках, помятые.

Следование модным нововведениям иногда вводило крестьянскую семью в долги. Девушки уходили на посторонние заработки, всё ими заработанное шло на наряды. Говорили: «Брюхо добра не помнит», когда в семье большая часть доходов шла не на пищу, а на одежду. Женщины ходили в церковь в шерстяных и шёлковых платьях, а питались лишь картофелем и хлебом, пили чай: «на брюхе-

Девушки в парочках. Курская губерния, Старооскольский район, село Верхне-Чуфичево. 1926 г.

то шёлк, а в брюхе-то щёлк». Такие семьи встречались всё чаще и чаще. «Продай, тятенька, ты серого быка, а купи мне голубого козака»²⁴. Отец «корову продаст, да дочери-невесте всего закупит, хотя сам без куска хлеба сидит». «Мания наряжаться доходит до того, что отец семейства продаёт последнюю корову или лошадь для того только, чтобы его дочь-невеста могла сшить себе шёлковое или бархатное платье или бархатную шубу... Нередко затраты на платье 60–80 руб., на шубу 80–100 руб. и всё это на выходе девицы замуж продаётся за половину и менее. Резиновые калоши на ногах и дождевой зонтик в руках, хотя бы в самую жаркую и сухую пору лета — это верх франтовства»²⁵, — сообщали корреспонденты Этнографического бюро. Заметим, что указанная цена платья составляла заметную часть годового оборота даже богатой крестьянской семьи. «А часто бывает и так, что крестьянин нищий насоби-

рает подаяний, продаст всё, а на эти деньги и покупает дочери наряды»²⁶. Неудивительно, что такая жизнь не по средствам являлась одной из главных причин недоимок.

С роскошью и щегольством пытались бороться административными методами. Один из земских начальников Пошехонского уезда Ярославской губернии издал приказ, что всякая крестьянская девушка, явившаяся в церковь или на гулянье в шляпке, будет посажена под арест. Исполнение приказа было поручено волостным старшинам, старостам, десятским, и при этом происходила масса злоупотреблений. Посыпались со стороны потерпевших «шляпниц», мужей и отцов жалобы на оскорбление действием, самоуправство. Те же жалобы посыпались и на самого земского начальника: пришлось шляпки оставить в покое²⁷.

Стремление выделиться в сочетании с крестьянским тщеславием порой приобретало гротескный характер. По свидетельству корреспондентов Этнографического бюро, «зависти в деревне столько, что хоть отбавляй». На Масленицу богатые девушки-крестьянки катались с загнутыми назад шубами, чтобы показать дорогой мех; бедные выставляли напоказ коленкорную нижнюю юбку, даже до черноты грязную; руки оставались без перчаток, чтобы были видны кольца²⁸.

На рубеже XIX–XX веков модная одежда приобрела значение маркера, указывающего место её обладателя на социальной лестнице. Главная доминанта в жизни крестьянской девушки — стремление выйти замуж — обуславливала амбивалентность модной одежды. С одной стороны, она являлась знаком принадлежности к группе девушек-невест, с другой — модная одежда служила одним из средств выделиться из общего ряда и привлечь внимание потенциальных женихов. Стремление если не «быть», то есть стоять на более высокой ступени социальной лестницы, то хотя бы «казаться стоящей» порождало значительные экономические трудности в крестьянском хозяйстве.

г. Старый Оскол

Примечания

1. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (Далее РЖБН). Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губ. Ч. 2.: Даниловский, Любимский, Романо-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. СПб. 2006. С. 352; Т. 3. Калужская губ. СПб. 2005. С. 231; Т. 5: Вологодская губ. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб. 2007. С. 296. 2. Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 278. 3. Там же. С. 74. 4. Там же. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-

Петербургская и Тульская губ. СПб. 2008. С. 44. 5. Там же. Т. 5. Ч. 1. С. 134; Т. 5: Вологодская губ. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб. 2007. С. 109. 6. Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 123–125. 7. Там же. Т. 1: Костромская и Тверская губ. СПб. 2004. С. 487. 8. Там же. Т. 2. Ярославская губ. Ч. 1: Пошехонский уезд. СПб. 2006. С. 497; Т. 5: Вологодская губ. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб. 2007. С. 801, 820. 9. Там же. Т. 3. С. 451–452; Т. 6. С. 45. 10. Там же. Т. 3. С. 451–452; Т. 6. С. 136.

11. Там же. Т. 3. С. 482. 12. Там же. Т. 5. Ч. 1. С. 134–136. 13. Русские. М., 2005. С. 333–334; РЖБН. Т. 6. С. 73. 14. Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 377. 15. Там же. Т. 6. С. 73. 16. Там же. Т. 1. С. 247; Т. 2. Ч. 1. С. 377; Т. 2. Ч. 2. С. 123; Т. 5. Ч. 1. С. 265; Т. 5. Ч. 2. С. 52, 175. 17. Там же. Т. 5. Ч. 1. С. 31. 18. Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 125; Т. 5. Ч. 1. С. 138. 19. Там же. Т. 1. С. 247, 339; Т. 3. С. 301, 452; Т. 5. Ч. 1. С. 266, 509; Т. 5. Ч. 3. С. 610–612; Т. 5. Ч. 2. С. 52.

20. Там же. Т. 3. С. 539. 21. Там же. Т. 1. С. 365; Т. 5. Ч. 2. С. 100; Т. 5. Ч. 3. С. 610. 22. Там же. Т. 1. С. 247, 491; Т. 3. С. 436, 451–452; Т. 5. Ч. 2. С. 100; Т. 5. Ч. 3. С. 204, 610. 23. Там же. Т. 1. С. 185, 307, 487; Т. 2. Ч. 1. С. 403; Т. 3. С. 451; Т. 5. Ч. 1. С. 265; Т. 5. Ч. 3. С. 208. 24. Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 149. 25. Там же. Т. 5. Ч. 1. С. 509–511; Т. 2. Ч. 1. С. 41. 26. Там же. Т. 5. Ч. 2. С. 145. 27. Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 28. 28. Там же. Т. 5. Ч. 1. С. 257.